

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 5
(1497)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Четверг, 10 января 1963 года

Цена 3 коп.

СИЛЫ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ-НА СЛУЖБУ ВЕЛИКИМ ИДЕАЛАМ

Речь секретаря ЦК КПСС Л. Ф. ИЛЬЧЕВА

на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС с участием молодых писателей, художников, композиторов, работников кино и театров 26 декабря 1962 года

сталинского реализма, о повышенной роли литературы и искусства в строительстве нового общества, в коммунистическом воспитании советских людей.

Недавно проходила встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства; во время которой состоялась дружеская, веселая плодотворная беседа по идеино-художественным проблемам.

Партия и ее Центральный Комитет проявляют большую заботу о развитии искусства социалистического реализма.

Позиция нашей партии по идеино-художественным вопросам известна. Она изложена в трудах Владимира Ильича Ленина, в Программе КПСС и других партийных документах, в выступлениях Н. С. Хрущева, в его работах «За генеральную атаку литературы и искусства с жизнью народа», «К новым успехам советской литературы». Эта позиция была вновь подтверждена и конкретизирована применительно ко современным задачам литературы и искусства во время заседания руководителями партии и правительства выставки молодых художников и на встрече с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 года.

Дело идет об исключительно серьезных вещах: о жизненных основах советской литературы и искусства, коммунистической партийности и народности, о чистоте нашего идеиного оружия, его боеспособности в борьбе за победу коммунизма.

На выступлении Н. С. Хрущева на встрече и в его замечаниях во время посещения выставки выдвинуты важные положения. Вопросы поставлены остры и принципиально. С особой силой подчеркнута необходимость партийной и гражданской принципиальности художественного творчества, недопустимость отрывочного от генерального пути развития искусства социалистического реализма, опасность примиренческого отношения к промышленным буржуазным идеологиям, чуждым великому искусству.

На встрече прикованно внимание к высокому призванию советских деятелей культуры, об их долге перед народом, перед партией.

Во время беседы резко критиковались те, кто пытается ввести наше искусство с верхнего пути служения народу в узкие закоулки и туники формализма и его крайнего выражения — абстракционизма, те, кто предает забвению достижения в традиции социалистической культуры. Встреча произвела большое впечатление на ее участников. Она захвачивала нашу интеллигенцию на новые свершения во имя коммунизма. Она заставила серьезно задуматься тех художников, которые сбились с верного пути, но которые могут, если проложат понимание и присущимся к доброжелательной критике, вернуться на правильную дорогу, вместе со всеми творческим достоянием народом в созидающий социалистический искусств.

Советская общественность, многие деятели культуры, пропагандисты и идеинограниченные исследователи уральских народов в искусстве и литературе восприняли идеи и цели народного искусства как единство национальной культуры и ее художественной интеллигенции.

Идеи национальной культуры и ее художественная интеллигенция не могут быть разделены, они должны быть едины.

Каждый из нас, кто пытается ввести наше искусство с верхнего пути служения народу в узкие закоулки и туники формализма и его крайнего выражения — абстракционизма, как это иначе можно судить о творчестве нашей художественной интеллигенции?

Принципиальная критика неправильных тенденций в художественном творчестве кое у кого вызывает такой вопрос: не произошли ли в литературе и искусстве какие-то иноческие явления, представляющие серьезную опасность для развития социалистической культуры?

Нет, не произошли.

Наша партия, ее Центральный Комитет видят большие успехи в развитии советской литературы и искусства и в целом высоко оценивают творческую деятельность писателей, художников, композиторов, работников кино, театра и других отрядов нашей художественной интеллигенции.

Как уже было отмечено, советская литература и искусство раз развиваются в правильном направлении, на здоровой основе. Благотворное влияние на деятельность советской художественной интеллигенции оказала новая общность, возникшая в нашей стране в результате преодоления последствий культуры личности. Восстановление ленинских норм ленинских методов руководства, весь дух современной общественной жизни нашей страны пробуждают новые творческие силы, открывая еще более широкий простор для раскрытия талантов и способностей советских людей.

В нашей сегодняшней дружеской беседе, в которой участвуют главным образом молодые представители творческой интеллигенции, мы имеем все основания особо подчеркнуть успехи одаренной молодежи во всех областях литературы и искусства.

Имена многих молодых писателей, художников, композиторов, режиссеров театра и артистов широко знают в нашей стране и за ее рубежами.

В творчестве молодых, когда рассматривают его как единого целого, радует глазное — в их произведениях так же как и вчера место занимает наша жизнь, становление характера молодого советского человека.

Нет, наше собеседование не похоже на «беседу глаухих».

Вообще, неправильно было бы определять позиций по коренным идеино-художественным вопросам изображать как «дрянь».

Партия активно проводит де-

ГЛАВНАЯ ТЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

СОБРАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАЗАХСТАНА

Состоявшаяся в Москве встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства нашла в Казахстане огромный отклик. Об этом говорилось на собрании творческой интеллигентии Азии, посвященном исторической встрече в Москве. Собрание открыло первую секреция ЦК КП Казахстана И. Юсупова.

На декабрьской встрече в Москве в числе работников литературы и искусства Казахстана участвовал и я, сказал первый секретарь Союза писателей республики Г. Мустафина. Просто, по-казахски, разговаривали с нами руководители партии и правительства, обсуждая насущные вопросы дальнейшего развития отечественной культуры. Задачи наши с предельной точностью определены в новой Пр

грамме партии. Мы, представители художественной интеллигентии, должны видеть свое подлинное творческое счастье в создании произведений, достойных нашего времени, должны помочь партии воспитывать нового человека.

Председатель Союза художников Казахстана Н. С. Гаде подчеркнул роль художественной интеллигентии в формировании коммунистического мировоззрения, в развитии идеальной и духовной жизни советского общества.

Обскую значимость приобретает республиканская выставка «Десят лет освоения шелка», которая намечается на 1964 год.

Общий уровень творчества казахских композиторов за последние годы заметно повысился, заявил на собрании ком-

итетор Е. Рахмадин. Они создали ряд интересных ораторий и симфоний, инструментальных концертов и хоровых произведений, но за последние несколько лет появилась лишь одна опера «Золотые горы» К. Кужамжарова и Н. Тлеңшина.

Большую тревогу вызывает состояние песенного творчества и эстрадной музыки.

На собрании с большой речью выступил секретарь ЦК Компартии Казахстана Н. Д. Джандылан.

Собрание единодушно принял письмо ЦК КПСС, в котором деятели культуры благодарят партии за заботу о расцвете научной чистоты, литературы и искусства, заявляют, что писатели, художники, композиторы Казахстана будут всегда с народом и творить для народа.

(ТАСС)

сены такие темы, как «Маяк целинного края» или «Птицы царства на пелихне». Их можно решить и сюжетами в научно-популярных журналах, и инструктивными фильмами для специальной аудитории.

Творческие коллективы научно-популярных изданий, как правило, пишут о новых видах и жанрах научных картин. Это отрадно. В актах деятелей научного кино может быть записано много хорошего. Но бела науша в том, что наряду с отдельными достижениями общей уровня научно-популярных и учебных киносценариев продолжает оставаться низким. Мы ослабляем внимание к научному содержанию, к научной достоверности наших работ.

НЕДВИЖНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

«Об исполь-

зовании в киножурнале

«Наука и техника» № 20

недостоверных фактов»

справедливо осудил практику

создания скептиков в киножурналах

и научно-популяр-

ных фильмах на основе недостаточно проверенных на-

учных опытов, которые, будучи показаны на экране, не

только не помогают практикам народного хозяйства,

а, наоборот, демотивируют их.

Как можно слышать такое?

Ответ может быть один: снижение требовательности.

Снижение ответственности.

Самоуспокоенности.

На одном из собраний

творческих работников рассказывали о том, как «Москунфильм» почтительно поклоняется скептикам. Кому и зачем она нужна? Почему ее должна снимать Мотыжинская, а не Галданская кинокомпания? На эти вопросы никто ответить не смог. Рассказывали, что

«Москунфильм» предложил снять «учебный фильм»

о том, как надлежит летчикам

выходить из кабин

авиалайнеров.

Мы не можем безразлично относиться к тому, все ли молодые художники и литераторы создают нужный народу произведения, можем мириться с тем, что-то (даже если речь идет о единичных случаях) пытаются подстроиться народу ржавым оружием. «Мы не должны, — говорил Владимир Ильин, — стоять, сложив руки, и давать хаосу разливаться, «куха кончена». И поэтому наши партии выступили против недородовых тенденций и извращений в художественном творчестве. Она решила предстечь против увлечений формализмом и абстракционизмом, против гигантского либерализма и попустительства уродства.

Все мы должны понять, что попытки воротить формализм и абстракционизм — не пустая забава несмыслищ.

То, что мы видели на выставке московских художников, — картины Р. Фалька, Д. Штернберга, П. Никонова, Н. Андрионова и особенно знаменитые красавицы поэтов молодых абстракционистов, организовавших свою самостоятельную выставку, — чуждо социалистической культуре. Перед нами прямое отступление от социалистического реализма и творческое пыкание исподтишка друг друга. Но единый поиск нового может увеличиваться и увенчаться успехом лишь в том случае, если он ведется и правильном направлении, и не пытается захватить несмыслищ.

Формализм и абстракционизм, как здесь правильно и хорошо говорили товарищи, — это не поиски новых форм, а возрождение старых, отброшенных жизнью форм, это устремление к самоутверждению борьбы с старым гнилем, а не самоутверждение борьбы с старым гнилем.

Мы не можем на выставке

московских художников, — картины Р. Фалька, Д. Штернберга, П. Никонова, Н. Андрионова и особенно знаменитые красавицы поэтов молодых абстракционистов, организовавших свою самостоятельную выставку, — чуждо социалистической культуре. Перед нами прямое отступление от социалистического реализма и творческое пыкание исподтишка друг друга. Но единый поиск нового может увеличиваться и увенчаться успехом лишь в том случае, если он ведется и правильном направлении, и не пытается захватить несмыслищ.

Вот о чем не следует забывать.

Нельзя не признать, что формалистические увлечения приводят не только к тому, что вчера они составлялись не только из точек и линий, а вчера же они имели место и в литературе, и в театре. Не к лицу нам заниматься «фигурой умствования» по поводу подобных фактов. Ведь они порой не только не встречают необходимого отпора, но даже подстегиваются отдельными людьми как новой, иском подлинно новаторского пути развития нашего искусства. Кое-кто, не прочь бы даже прозяглиться формализмом, вчера же не единственно направлением в искусстве, предложить ему, так сказать, полную монополию в формировании эстетических вкусов народа.

(Продолжение на 3-й стр.)

ДОРОГА к знаниям

о некоторых проблемах научного кино

научного

исследований

в науках

и технике

и технологии

и производстве

и науки

и техники

и производства

и науки

и техники

<p

СИЛЫ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ — НА СЛУЖБУ ВЕЛИКИМ ИДЕАЛАМ

[Окончание].

экономики, нашей культуры. Партия решительно и мужественно отбросила антиленинскую идеологию культа личности для того, чтобы вполне раскрылись творческие силы народа, чтобы устроить все наилучшие и честные наше общество и вынести ему укоренными темами вперед и строительство коммунизма.

Мы должны со всей определенностью подчеркнуть вот что:

— одно дело — борьба с пособиями культа личности, чтобы утвердить ленинские нормы жизни, чтобы укреплять нашу силу, уничтожать величие дел нашего народа;

— другое дело — под видом борьбы с пособиями культа личности нанести удары по нашей идеологии, по нашей жизни, словом, по социализму и коммунизму.

Всей своей деятельностью, всем своим творчеством мы должны способствовать ускорению движения советского общества к светлой цели человечества — к коммунизму.

Говоря об освещении вопросов, связанных с культом личности, Н. С. Хрущев предупредил, что нельзя превращать тему злоупотребления властью и произвола в период культа личности в сенсацию. Вопрос о лагерях — очень острая тема. Кто меньше чувствует ответственность за наше счастье, тот с особой жадностью набрасывается на нее. Равно же можно, что безответственное отношение к такому важной теме может привести не пользу, а вред, нарушить смысл борьбы партии против последствий культа личности. Равно можно, например, допускать, чтобы лагерная тема вынеслась показ других сторон нашей прошлой и сегодняшней жизни? Нельзя обесценивать жизнь советского народа, его историю, его великие достижения и прекрасные устремления.

Поэтому нельзя пройти мимо одного явления, связанного с творчеством некоторых молодых писателей.

Но все они сумели сделать верные выводы из критики культа личности. Кое-кто сородично вспоминает только на отрицательных явлениях жизни того первого, связанных их с «общинами старшего поколения». Всюлько иначе, но это поражает у некоторых молодых людей какое-то недоверие к старшему поколению. Отсюда рождаются легендарные взгляды и неумение увидеть в жизни главное и решающее, с чем связаны великие победы нашей страны.

Можно понять, когда критика направлена на конкретные недостатки, когда она помогает нам бороться с ними, воодушевляет, поднимает людей. А против этого «бунтуют», например, юноши из иных произведений литературы и искусства? Против «высоких слов», которые для захватывания и определения людьми старшего поколения и оттого потеряли всякое значение. Недоверие к «высоким словам», а, по существу, к нашим наставкам, к сытаям святых всей нашей жизни, становится бравадой скептицизмом и искажением смысла.

Деятели литературы и искусства всех национальностей Советского Союза хорошо понимают, что сближение, взаимобогатение культур — решающее условие расцвета каждой национальной культуры.

Кстати, именно такую фальшивую ноту подхватывают зарубежные пропагандисты и во всех гордо приютят в «новой волне» и «диссионирующих голосах», о конфликте «отцов и детей». Но откуда они берут это? Где в нашей жизни нашли они этот конфликт? Если он и существует, то только как досужая выдумка в головах некоторых молодых писателей.

Зачем нам давать новод для враждебной демагогии против нашей страны?

Нельзя вводить клевету на нашу замечательную молодежь, приписывать ей злобные вагильы отдельных маенических сыновей и дочек. Наша молодежь хорошо закалена идейно и пристально, она с честью продолжает и приумножает боевые ленинские традиции старших поколений. О нашей молодежи, действительно, можно петь песни, партия растит замечательное поколение строителей коммунизма.

Очень важным является вопрос об отношении к традициям классического и советского искусства. Встречаются еще размашистые, перечеркивающие всю сокровищницу искусства, антиленинские суждения, неуважительное отношение к проверенным жизнью традициям искусства социалистического реализма. Иногда считается особым шиком и молодежью отругать великих предшественников, обличать Льва Толстого «устаревшим», Гоголя — «нудно описательным», выступить против «культы» Репина и передвижников и т. п. Позиция голого исповедования, «зрячего отрицания» всегда будет находиться в конфликте с принципами партийной политики в искусстве.

Недавно в газете «Молодежь Молдавии» Т. Пархоменко умнился тем, что «мы начинанием поэты преобретают такое, что склоняет счастье».

«ХХ век становится неком торжествующим абстракцией... А людям будущего предопределено жить в странном, с нашей точки зрения, мире абстракции, воспользовавшись в быту, дисциплинированных и послушных им. Естественно поэтому, что абстракционизм возник именно в наши времена. Абстракционизм, в его классических образах, — в здесь, по-видимому, уже сложился свой, классический, — в сущности представляет собой наше спасение, сделанную фотографию с неизменной именющей место особенности мышления человека XX столетия».

«Я вижу, — пишет он, — как склоняются руки сломать изделия предков и, осмотрев их (видимо, обломки) — Л. И., попытаться сделать новое, свое собственное будущее. Сломать ритм, поставить образ на образ, да еще на ребро, и самому чуточку встать на изломки (так хочется быть высоким...) и запечатать такое, что склонит счастье».

Вот как представлена «ребром» проблема новаторства и традиций. Сей призыв «ломать наделенные предков» сильно отдает анархическим духом.

Попытка теоретической беззаботности некоторых представителей советской эстетической науки, буржуазные эстетики актив-

но фальсифицируют и наврашают сплет советского искусства, выпускают пухлы трумы, начиненные небылицами о советской культуре.

Всем ясна большая общественная роль эстетики, ее влияние на художественное творчество. Надо антицианизировать эстетику как базовую науку, тесно связанную с национальными проблемами нашего искусства.

Особо хочется сказать о роли старшего поколения советских литераторов и художников в воспитании молодой творческой смены. Замечательная горьковская традиция, заботливого отношения к молодежи должна непрерывно продолжаться и развиваться. Борьба с молодым поколением, о будущем нашей литературы и искусства, лабора, сочетающая высокую требовательность с практической помощью, — общественный долг всех ведущих деятелей нашей культуры.

Вопрос о достоинстве, понятии превознесения искусства для широких масс.

Советское искусство создается для народа. Оно должно поднимать, подшевелывать, вдохновлять миллионы людей на строительство нового общества, объединяя волю и разум масс. Но разве могут выполнить эти задачи произведения, которые непонятны, недоступны, не доходят до сердца и сознания зрителя, слушателя, читателя? А у нас еще нередко оказывается этакое преображенческое отношение к интуиции и эмоциональной багроватости.

Оно требует совершенного художественного выражения правильных идей.

Между тем некоторые писатели и художники считают, что если в произведениях заложены верные идеи и они написаны на нужную тему, то можно быть не так требовательными к ее форме, к эстетическому, образному выражению идей. Так думать — значит давать возможность разного рода художникам и ремесленникам спекулировать великими идеями в чехловидных целях.

Языки литературы и искусства — это языки образов. И чем ярче, чем эстетически убедительнее этот язык, тем значительнее воспринимаемое произведение художественных произведений. Ремесленничество, серость, хлебуха в такой же мере, как и формализм и самодельному экспериментаторству, нет и не может быть места в нашем искусстве и литературе.

Между тем некоторые писатели и художники считают, что если в произведениях заложены верные идеи и они написаны на нужную тему, то можно быть не так требовательными к ее форме, к эстетическому, образному выражению идей. Так думать — значит давать возможность разного рода художникам и ремесленникам спекулировать великими идеями в чехловидных целях.

Выздрики о «внутренней свободе» и «человеке», высокомерные попытки наименовать коммунистическую культуру «глобусом прогресса», выше народа, который должен сначала набраться ума-разума, чтобы познать всю «глубину» художественных замыслов и эстетических «тоностей» некоторых сбывающихся с правильного пути людей, в нерадко и просто царя — все это есть не что иное, как антиутопиям чистейшей воды, претенциозность от беспартийности.

Сам писатель, говорит Н. С. Хрущев, — пристрастный судья своего произведения, и не всегда этого, которое нравится матери, полезно для общества.

Кто же будет определять и оценивать достоинства и недостатки произведений? Партия и народ. Если каждый будет называть обществу свои личные вкусы и субъективистские оценки, тогда добре не иначе. Вместо порядка в обществе возвращаются анархическое сиюминутие, серость, хлебуха в такой же мере, как и формализм и самодельному экспериментаторству, нет и не может быть места в нашем искусстве и литературе.

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, «Аэропорт», А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, «Аэропорт», А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприятие ее, с которым там пышно сказывались пейзажи А. Иванова или Л. Левитана. И даже «современный» мотив решается поверхностью (П. Кильде, А. Васильев «Весна на Ангаре»).

Старинные мысли открывают мы сейчас новые витрины, входим в театральные и выставочные залы. Наш зритель требует, он хочет истинного и большого искусства...

В залах Русского музея, где размещена осенняя выставка ленинградских художников, перед вами, передумав, проходит маленькие уютные пейзажи и натюрморты — «Сосенки», «Май», «Май на окне», «Весенний мотив», просто «Весна». Весенние утолы земли, солнечные, с мягкой травой и чистой землей. Но вы тщетно будете искать в этих работах то, что вспомнившее, философское восприяти

Москва и москвичи глазами «Ойленшпигеля»

Н Е М Е Ч К И Й художник-юморист Луис Райхольф недавно побывал в Москве. То, что он увидел в столице Советского государства, он отразил в своих путевых зарисовках, напечатанных в журнале «Ойленшпигель» под заголовком «88° восточнее Гринвича».

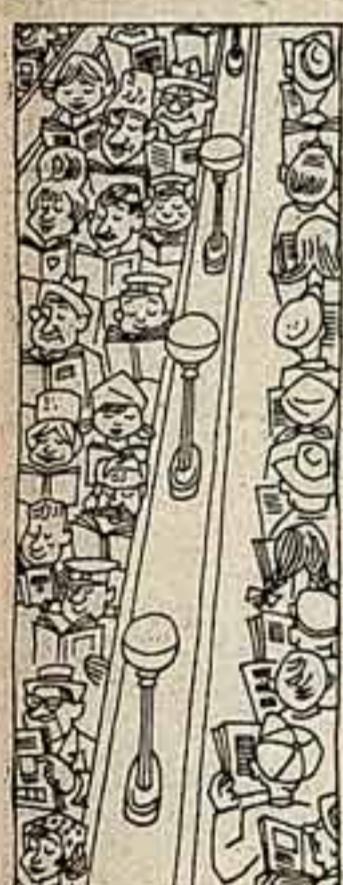
Сегодня мы публикуем некоторые из этих зарисовок.

Московская гостиница «Уран-май» — магнит для путешественников.

Лифты в гостинице развивают мимолетные скорости. Когда в таком лифте поставлены одними из них съезжают с тридцатого этажа, они неизменно падают в состояния невесомости. Однако дипломаты-космонавты администрации гостиницы не выдают.

На станциях метро, помимо всего прочего, заполняются танки и проблемы в образовании.

ПРЕЗИДЕНТ СУКАРНО О КУЛЬТУРЕ ИНДОНЕЗИИ

ПРЕЗИДЕНТ Индонезии Сукарно известен как большой знаток культуры и искусства своего народа. Он обладатель интересных коллекций картин, о которых читатель вероятно знает из разнообразного большого альбома репортажей. В своих выступлениях президент не раз обращался к вопросам национальной культуры, связанным с перспективами общественного развития и борьбы с национальным искусством.

Сейчас мы перепечатываем из румынского «Континентопарата» выступление президента у д-ра Сукарно журналистом Давидом Нашвили. Его беседа президента состоялась вчера в Денпасаре, в Джалонгуре, во время визита генерала Делапана в Джакарту, во время визита индонезийской делегации. Это интересная в некотором смысле встреча, потому что в ней были высказывания президента Индонезии и премьер-министра Индонезии о проблемах развития национальной культуры, мы публикуем с некоторыми сокращениями.

ПО МОЕМУ мнению, — сказал президент Сукарно, — социализм — это стиль для народа, счастье, основа которого в удовлетворении не только материальных, но и моральных, духовных потребностей народа.

Я считаю, что любовь к искусству глубоко укоренилась в поисках индонезийского народа. Танец, живопись, скульптура — это неотъемлемая часть национальной жизни. Мы стали свидетелями общего возрождения национального искусства Индонезии, и, на мой взгляд, этот процесс находится сейчас на пике.

Культура каждого определенного исторического этапа — это культура господствующего класса. В прошлом правящим классом Индонезии были феодалы. Поэтому и искусство тогда в основном было придворным искусством. Потом пришел империализм, колониализм, которые привнесли, так сказать, голландскую культуру. Революция сделала Индонезию самостоятельной. Теперь на наших глазах культура страны взорвалась. Это очень облегчает мою работу. В правительстве есть министерство просвещения и культуры. Оно содействует этому процессу возрождения, который облегчается сам по себе тем фактом, что индонезийский народ —

СВЕЛИКОЙ БОЛЬЮ говорят Станиславский в ходе жизни о несуществующих шекспировских ролях: «...и думю делать мизансцены некоторых классических пьес Шекспира, тех, которые мне не удалось на своем веку сыграть».

Грустно читать эти строки. Режиссерские планы остались неосуществленными: роли — несуществующими. Но Шекспир всегда занимал большое место в творческих исканиях Станиславского. Это нашло свое отражение в его пьесах, стихах, вымысленных. Мысли и взгляды великого реформатора сцены удивительны современны. Особенно цепки они для советского театра.

Что же такое Шекспир для Станиславского?

«Шекспир — это сама жизнь, он прост и потому ясному понятию. Великая простота. Она идет от концептуированной народной смысли, питающей творчество гения, делающего его понятным народу при всей национальной сложности: «...Простой зрителю придет все то, что правда и художественно», — считает Станиславский. II

Этот зрителю оправдывает егоожидания: «Прекрасную контраст один простые мастера от «Отелло» Шекспира», — говорит он еще в 1909 году.

С возмущением пишет Станиславский о европейском шекспировском театре конца века: «Театр например, думали так много традиций и разных правил, что Шекспир стал не понятен для простых публик». Шекспир должен быть понятен для широкого зрителя.

Как же стать Шекспиру, чтобы его пьесы имели подлинно народный резонанс? Станиславский упорно ищет ответа на этот вопрос.

Для того чтобы играть Шекспира, нужно проникнуться духом Шекспира. Сделать искусство великого писателя доступным каждому: можно, только открыть его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его философская единотворческость — вот что может поднять исполнение актера на высшую ступень совершенства. Это и будет «исчерпывающим» исполнением шекспировской роли. Какими же путями идти к нему?

ВОПРОС О НОВАТОРСТВЕ и традиции (которому, кстати сказать, уделяется так много внимания в нашей прессе за последние годы) был первым для Станиславского, когда он заснул над Шекспиром:

Станиславский упорно искал коренное решение проблемы. Французский критик Л. Бельон пишет: «Согласен с Вами, что в прошлом роль Отелло, но буду спорить против одного Вашего замечания: именно: что мы играли — ставили пьесы, не в традициях Шекспира». И далее высказывает, в чем суть истинной шекспировской традиции. Он поясняет: Шекспир, и генетическими артистами — арде Шекспира, проблема, которую он открыл его неинспирированные народные сокровища, которые Станиславский сравнивал с рудами, скрытыми в высочайшей горе.

«Большие народные, общечеловеческие задачи решаются, поколениями и веками. На сцене выполняются генетическими поэмами — арде Моцарта, Томазо Сальвани. Сценическое творчество — это постановка больших задач и подлинное, продуктивное, целесообразное действие для их выполнения».

Проблемная масштабность образа, его филос